

Русская армия и население в Первой мировой войне: фронтальная повседневность и событийность

Александр Б. Асташов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, astashsh@yandex.ru*

Аннотация. Статья имеет целью проанализировать практики фронтальной повседневности отношений русской армии и населения в Первой мировой войне. В работе, выполненной на новых архивных материалах, используется концепция военного фронта, создавшего ситуацию дистанцирования этнических групп населения Западного края и армейских структур на театре военных действий. Исследуются основные формы проявления взаимоотношений армии и населения в области обеспечения безопасности, снабжения, человеческих контактов и общего восприятия армией этнических групп в социально-политическом контексте. Автор приходит к выводу, что опыт отношений армии и населения в ходе фронтальной повседневности по указанным аспектам привел к формированию в армии негативного восприятия населения, породил взаимное отчуждение военнослужащих и жителей не только на территории противника, но также и на территории союзников и даже на собственной территории. Попытки снятия взаимного отчуждения между армией и населением носили событийный характер, но не решали проблем отчужденности и враждебности на личностном уровне. Их окончательное решение выдвинулось в центральном событии – прекращении войны и начале социально-политических преобразований в самой России.

Ключевые слова: Первая мировая война, военный фронт, Западные окраины, русская армия, фронтальная повседневность, безопасность, жизнеобеспечение, релаксация на фронте, этнические группы

Для цитирования: Асташов А.Б. Русская армия и население в Первой мировой войне: фронтальная повседневность и событийность // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 6 (39). С. 84–105. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-6-84-105

The Russian army and the population in the First World War: front-line everyday life and events

Aleksander B. Astashov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, astashsh@yandex.ru*

Abstracts. The article is intended to analyze the practice of front-line daily relations between the Russian army and the population in the First World War. The work done on new archival materials uses the concept of a military frontier that created a situation of distancing ethnic groups in the western outskirts and army structures in the theater of operations. The main forms of manifestation of the relationship between the army and the population in the field of ensuring security, supply, human contacts and the general perception by the army of ethnic groups in the socio-political context are explored. The author comes to the conclusion that the experience of relations between the army and the population in the course of front-line everyday life on these aspects led to the formation of negative perception of the population in the army, gave rise to mutual alienation of servicemen and residents not only in the territory of the enemy, but also on the territory of the Allies and even on its own territory. Attempts to remove mutual alienation between the army and the population were of an eventual nature, but they did not solve the problems of alienation and hostility at the personal level. Their final decision was seen in the central event – the end of the war and the beginning of social and political reforms in Russia itself.

Keywords: The First World War, the military frontier, the western outskirts, the Russian army, front-line everyday life, security, life support, relaxation ethnic groups at the front

For citation: Astashov AB. The Russian army and the population in the First World War: front-line everyday life and events. *RSUH/RGGU Bulletin. "History, Philology, Cultural Studies, Oriental Studies" Series.* 2018;6(39):84-105. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-6-84-105

Первая мировая война повлияла на всю структуру военного общества, включая самого воюющего человека. Это ощущалось не только в ходе решающих столкновений, но и в повседневной фронтовой жизни. Фронтальная повседневность обычно рассматривается

в литературе прямолинейно: как рутинная деятельность по обеспечению боевой деятельности, направленной на противника. Сама фронтовая структура (армия, службы обеспечения) представляется как гомогенная и помещенная в организованное пространство с преданной и послушной ей технологией ратного труда. Контакты армии с населением анализируются только когда их носители оторваны от своей основной группы в качестве призывников, едущих на фронт, при выполнении спецзаданий, военнопленных [1 с. 356–357, 411; 2]. Другой была ситуация в Первой мировой войне. Дело было в особенности войн старого и нового типа. Прошлые войны были маневренными, войска и службы обеспечения, как правило, составляли единое целое, были самодостаточными (что и обеспечивало их маневренность), от населения не зависели, с ним не сталкивались уже в силу незначительного времени нахождения в данном месте. В Первой мировой войне, технической, всенародной, тотальной, значительно возрос фактор «чужой территории» во всем ходе военных действий, включая и повседневность ратных задач. Это обуславливалось как самим размахом войны, так и ее коалиционным характером. Армии противников длительное время находились на занятой территории противника, или на территории союзных в мировом конфликте государств, или на территории собственного государства, но с населением, обладавшим значительными социально-культурными отличиями от населения остальной страны. В отличие от традиционной, главным образом маневренной войны, в мировой войне армия не только встречается с противником во время боевых действий, но и постоянно взаимодействует с населением во всей зоне фронтовой полосы, являвшейся в рамках столкновения разных культур зоной фронта. Тем самым в ходе борьбы, а не просто «восприятия противника» [3], ощущается зона пространства территории, как пространственного выражения власти, требующего его защиты и обеспечения в качестве проявления идентификации суверенного над этим пространством народа, нации [4].

Фактор чужой территории был чрезвычайно актуальным для Русского фронта Великой войны, где военные действия разворачивались на западных окраинах империи [5 с. 4–7, 409–411], а армия состояла в основном из жителей внутренней России, значительно отличавшихся по этническому, особенно культурному признаку. Главная проблема заключалась в том, что «чужая территория» должна была восприниматься как «своя». По существу это была проблема незавершенной национальной идентификации как одной из задач только разворачивавшейся в России модернизации, частью которой и стала война. Взаимоотношения армии и населения

на театре военных действий носили чрезвычайно многообразный характер и охватывали ареал в 28 млн жителей. В данной статье предполагается сосредоточиться на нескольких видах повседневности отношений армии и населения: безопасности, жизнеобеспечения, релаксации и общего восприятия армией населения как этнической группы. Статья написана на архивных материалах Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) и Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ).

В ходе военных действий важнейшим вопросом было обеспечение безопасности от возможных происков противника и их пособников из состава населения. Проблема безопасности виделась или в прямой враждебности населения, или в корыстных целях жителей, наносивших вред русской армии. Опасения вступления в противостояние с прифронтовым населением определялось близостью регулярных сил противника. Первой такой группой представлялись немцы-колонисты, а также другие лица, относившиеся к немцам. Существовало отчетливое восприятие немцев-колонистов как населения, хотя и имевшего российское гражданство, но которое фактически обладало всеми признаками «немецкости»: протестантская вера, использование немецкого языка в быту, сохранение и культивирование немецких культурных особенностей в повседневной жизни. Настораживала крайняя затрудненность взаимодействия с таким населением в связи с закрытостью жизни колонистов. Считалось, что они, живя компактно, представляют готовую базу для расположения и проживания частей противника в случае его наступления [6 л. 5]. Все немецкое мужское население трудового возраста от 15 до 60 лет рассматривалось как готовый резерв призывников для германской армии или в качестве трудовых ресурсов. От немцев-колонистов всегда ожидали и конкретных враждебных акций в виде помощи противнику. Больше всего это касалось шпионажа. Солдаты, командование постоянно сообщали о случаях слежки за русскими войсками, выведывании тайн, передачи их противнику. В армии следили за подозрительным «шатанием» жителей, их общением с другими ненадежными лицами, попытками сообщения сигналов, проведения телефонов под водой или под землей [7 л. 2, 14, 26–26 об., 40, 49, 62, 66, 81, 104–104 об., 116–116 об., 255–256 об., 567–567 об.; 8 л. 269; 9 л. 77–78 об.]. Преследовалось приветствие колонистами, да и лицами любой национальности, вражеских разъездов или вступающих частей, сообщение противнику сведений о наличии русской секретной агентуры, выдача жителей, помогавших русской армии, указание неприятелю, куда движется той или иной русский разъезд, или

наоборот, несообщение о подобных же перемещениях немецких отрядов. В армию поступали донесения, что колонисты, жители немецкой национальности прятали немецких разведчиков, поставляли им продукты, фураж, указывали, у кого в селении есть хорошие лошади. Особенно пристальному расследованию подвергались действия местных обывательских комитетов в их отношениях с оккупационными властями. Уже при выходе немецких войск из оккупированных мест агенты губернских жандармских управлений, контрразведки расспрашивали местных жителей о пособниках оккупантов. Значительная часть этих подозрений вызывалась наговорами соседей: поляков, евреев, находившихся во враждебных отношениях с немцами-колонистами или с немцами-помещиками, а также обвинениями начальников войсковых команд, недовольных тем, как помещики или их управляющие защищали свои хозяйства от набегов солдат [10 л. 78, 79, 97, 155, 232, 238 об.; 9 л. 77 об.–78 об., 82–82 об.]. Враждебность немцев-колонистов видели в отказе проведения реквизиций, в побегах к неприятелю с окопных работ. Как правило, любые контакты немцев-колонистов с неприятелем вели к резкому обострению противостояния на передовой позиции [11 л. 269 об.].

Если вред от действий немцев-колонистов рассматривался как потенциальный, в зависимости от инициативы противника, который мог воспользоваться услугами нежелательных элементов, то другие группы населения воспринимались как источники непосредственного вреда, как его инициаторы. Дело было в их мобильности, и, следовательно, способности узнавать воинские секреты и возможности их передачи противнику. К таким группам относились, прежде всего, евреи, как постоянно перемещавшиеся по театру военных действий в ходе ведения многочисленных хозяйственных операций. В руках евреев была сосредоточена практически вся мелкая и среднеоптовая торговля в крае. Евреи же являлись важнейшим элементом по снабжению продовольствием, вещами и самих воинских частей [12 л. 1]. Уже по факту своей деятельности они владели многими секретами транспортной логистики, расположения штабов самого различного уровня, самих воинских частей. По роду своих занятия евреи входили в контакты со многими представителями штабов и воинских частей русской армии. Отследить эти отношения, составлявшие часто коммерческую тайну, было невозможно, что ставило под подозрение уже командование самой русской армии в случае злоупотреблений.

Частично к таким же враждебным группам относили и цыган ввиду их постоянных передвижений как проявления образа

жизни, а также отдельных лиц, часто перемещавшихся по театру военных действий, при этом самых различных национальностей: фокусники (китайцы), артисты (итальянцы, немцы). Однако среди местных жителей, вызывавших опасения, были и случайные лица. Стали известны случаи, когда поляки, как правило молодые люди, являлись частыми посетителями передовых линий, доставляя военнослужащим сигареты, продовольствие и т. п. Некоторые из них предлагали свои услуги по шпионажу, одновременно оказывая подобные же услуги противнику. Множество вреда, порою неосознанного, делалось местным населением в отношении окопов, военного имущества, что военными расценивалось как помощь врагу [13 л. 271–272].

В целом обеспечение безопасности во фронтовой повседневности рождало среди солдат, военного начальства тягостные ощущения враждебности со стороны населения, и так не рассматриваемого как свое, несмотря на русское подданство. Ответом, носившим в этом случае событийный характер, являлись действия по ликвидации подобных отношений или путем прямого удаления враждебных элементов с театра военных действий (немцы-колонисты), или путем установления контроля над ним посредством взятия в заложники (евреи), или высылки отдельных лиц других национальностей (литовцев, латышей, поляков и т. п.). Частично проблема взаимоотношений армии и населения была снята самим фактом потери Западного края: Польши и части Прибалтики, что и носило характер центрального события, подведшего черту в повседневности этого аспекта военного опыта. Более драматично, однако, развивались события в урегулировании отношений между армией и собственным, т. е. не воспринимавшимся как чужое, населением внутренней части театра военных действий: белорусами, украинцами, латышами. Однако здесь сработал рефлекс не ненависти к этому населению, а наоборот, демонстрации особого вида родства, которое не позволяло оставить жителей перед лицом противника. Фактически это вылилось в изгнание за линию фронта миллионов жителей, рассматриваемых как «русские» (в основном белорусы). Следствие этого фронтовая повседневность армии и населения на фронте уступала место другой повседневности – между беженцами и жителями внутренней России [14 с. 304–309].

Глубокие контакты армии и населения существовали на почве обеспечения армии продовольствием, трудовыми ресурсами, которые могли остаться противнику при отходе (главным образом в 1915 г.). Связанные с этим меры, как вспомогательные для жизнеобеспечения армии, военными законами предусматривалось вво-

дить двумя способами: свободной покупкой за деньги у населения продовольствия, скота и т. п. или принудительными реквизициями тех же предметов обеспечения, хотя и также платными [15 с. 58–59, 232, 233, 395; 16 л. 76–76 об., 159–187; 17 л. 104–105 об.; 18 л. 3, 4, 13а, 75 об., 92 об.]. В реальности во время быстрых перемещений, невозможности своевременно обеспечить армию продовольствием, транспортом происходил незаконный отъем ресурсов у населения или реквизиция, с отказом оплаты [19 л. 51–53, 72; 20 л. 15, 26, 27, 136, 141, 295, 350, 401, 557; 21 л. 523–524]. Часто эти действия сопровождалось совместным – солдатами и местным населением – грабежом собственников. В этом участвовали, как правило, поляки – против немцев и евреев [20 л. 15, 26, 27, 136, 141, 295, 350, 401, 557; 21 л. 523–524]. Мародерство армии в основном было направлено на тех же евреев и немцев, собственность которых как бы «по закону» считалась трофейной [22 л. 8, 9, 10, 20, 24, 28, 29, 32 об., 36, 39, 45, 45 об., 147, 231, 524, 526, 466, 470–471; 23 л. 167–168; 9 л. 75]. Поджогам и погромам польских помещиков и евреев, в которых участвовали отдельные бродячие воинские шайки, а также и население в 1914–1915 гг., способствовало практическое отсутствие администрации в Восточной Галиции [24 л. 2, 60, 63]. Мародерство часто начиналось в виде массового разгрома бежавших галицийских панов своими же крестьянами. Участие в мародерстве русских солдат совпадало, таким образом, с актами «социальной справедливости» местного населения [25 с. 17; 20 л. 113].

Еще чаще были заимствования продовольствия, фруктов, дров и т. п., которые проводили войска в месте прохождения или стоянки. В архивах сохранились сотни заявлений собственников (от помещиков до крестьян, от аристократов до бедняков) с требованием возместить убытки от постоа войск. Часто в таких разорениях участвовали и представители местного населения, лишь используя войска для своей поддержки [22 л. 547–548; 26 л. 335]. Таким образом, создавалось определенное сотрудничество населения с армией, заинтересованной в приобретении или перераспределении ресурсов местного населения [17 л. 193–197 об.; 18 л. 76; 27 л. 23–23 об., 25–25 об., 46–46 об., 52–52 об., 73–73 об., 85–85 об., 93–93 об., 206].

Подобные действия армии по отношению к населению усилились летом 1915 г. в связи с «Великим отступлением». Акции армии порою приобретали бесцельный характер варварской потравы засеянных полей, уничтожения созревшего урожая, фруктовых садов, разгрома имений и т. п. уже на «своей» территории. Причем потерпевшие убытки уже не могли отличить действия армии противника от армии, которая должна была их защищать [22 л. 42,

475 об., 495–496, 509–510, 521–523, 527 об.]. Значительными были убытки не только владельцев имений, но и простых крестьян, у которых также отнимали урожай, фураж, продовольствие, скот, лошадей, порою единственные в хозяйстве, без какого либо вознаграждения [28 л. 370, 343 об., 373; 22 л. 272, 365; 21 л. 34, 37–40, 43, 46, 48–52, 58–60, 430, 451]. Мародерство периода «Великого отступления» носило не только массовый характер, но и «законный», к тому же направленный против собственных граждан, часто собственников, помещиков, или «предателей», не желавших уходить вместе с войсками. С лета такая система отношений отдельными представителями армии и населением стало принимать характер социального бандитизма [18 л. 76–76 об.].

Ответ на подобные повседневные практики складывался по-разному. Частично, особенно по отношению к польским помещикам, произошло возмещение убытков [17 л. 202–203 об., 211–211 об.; 29 л. 3; 30 л. 51–179 об.]. Это было вызвано необходимостью сохранения мотивации поляков в союзе с Россией в продолжавшейся войне, где «Великое отступление» рассматривалось лишь временным эпизодом [31 л. 55–55 об., 129, 196–199, 346–348 об., 382]. В некоторых случаях, по отношению к известным польским аристократам (графы А. Замойский, С. и П. Гурские, князь М. Радзивилл, Э. Курнатовский, В. Собанский), такое возмещение даже превосходило утраченное [32 л. 40]. Правда, имели место и попытки оказать населению помощь продовольствием, фуражом [33 л. 6; 31 л. 120–120 об.]. Однако эти проекты периода относительного затишья зимы 1914–1915 гг. в Галиции и Польше не были осуществлены в полной мере [34 л. 11 об.]. Но центральным событием в отношениях армии и населения на почве обеспечения ресурсами представляется переход в пользу армии вообще всех ресурсов под видом его защиты от возможной его передачи противнику, что имело место при «Великом отступлении» летом 1915 г. Одновременно это означало и уход населения, которому предполагалось возместить реквизированное имущество (скот, посевы и др.) в тылу. Фронтная повседневность между армией и населением сменилась, таким образом, одномоментным актом ликвидации главного объекта отношений между сторонами: недвижимости, посевов, скота и других ресурсов. Это было возможно только по отношению к самым беззащитным этническим группам – белорусам, украинцам, латышам. Тем самым отношения между армией и населением прекращались, а население уже внутри России выстраивало по отношению к властям и местному, внутренней России, населению новые связи, включавшие претензии на утраченное имущество и жилье [14].

Важной частью отношений между армией и населением являлась область человеческих контактов, которые допускали поступки, не подпадавшие под собственно военные действия, но, тем не менее, их сопровождавшие на любой войне: милосердие по отношению к местному населению, релаксацию, половые связи. Всего в районе 15-верстной полосы фронта [полковые резервы] находилось около 500 тыс. человек, половину из которых составляли дети [35 с. 1–2]. Как правило, это были семьи, которые не ушли с беженцами в тыл России. Они оставили свои жилища, но продолжали находиться в лесах, землянках в надежде вернуться на места проживания. Часто их временные жилища находились вблизи передовых линий, иногда даже непосредственно на них. Солдаты были свидетелями массы проблем, стоявших перед населением: голод, холод, обстрелы, болезни [36 с. 43; 37 с. 59; 38 с. 73; 39 с. 166–167; 40 с. 293–294; 41; 42; 43 л. 36–36 об., 124–125]. Особенно часто общались с солдатами дети, которые для бойцов являлись забавой и утешением и у которых они могли найти приют и пропитание [44 л. 47–47 об.; 36 с. 42; 38 с. 73]. Именно мальчики из этой группы и предлагали свои услуги солдатам в качестве разведчиков, «сынов полка». Эта же группа детей составляла главный контингент для «детей-шпионов», использовавшихся немцами. Практически все дети в той или иной мере испытывали развращающее влияние со стороны солдат, с которыми они были вынуждены соседствовать [36 с. 49; 45 с. 18; 46 с. 90–91]. Девочки и девушки в возрасте 13–16 лет в ближнем тылу часто становились легкой добычей для солдат. «Разврат» на передовой принимал столь большие формы, что порою одна и та же девушка становилась переносчицей венерических болезней для многих солдат. В результате власти были вынуждены открыть для таких зараженных девушек в Минске особый госпиталь [44 л. 40–40 об.; 46 с. 90].

Событийным в данном аспекте повседневности можно представить следующие действия. Что касается семей на передовых позициях, то власти настаивали на их перемещении. Для этого использовались не общественные организации (Союз земств или Союз городов), которым не доверяли, а инициированные властями проправительственные организации Северопомощь и Югопомощь, способные осуществить перемещение жителей с передовой линии, не вызывая при этом утечки информации противнику. Что же касается детей-беспризорников, то большая часть их была эвакуирована общественными организациями внутрь России, а часть была размещена на театре военных действий в детских домах. Не выдержал и опыт фронтовой повседневности нахождения

детей в качестве «сынов полка» непосредственно в военных частях. Когда стало известно о наличии в их рядах шпионов, все эти юные добровольцы были в течение 1916–1917 гг. удалены с позиций. Так закончилась повседневность общения детей с армией, чтобы через военные испытания привести к новой повседневности общения детей и общества, готового к решению детского вопроса [47].

Среди человеческих контактов армии с населением выделяется сфера интимных отношений. В ее основе был тот же феномен мировой войны, проявлявшийся в использовании в качестве основного контингента обычного гражданского населения, представлявшего членов разорванной на время войны семьи, в основном крестьянской. Длительность военных действий поставила членов семей в ситуацию пересмотра своего семейного статуса. Такая возможность всегда присутствовала у крестьян, находящих длительное время в разлуке с семьей, например при отходничестве, своеобразным аналогом которой являлась война. Театр военных действий, а также внутренние районы, примыкавшие к нему, создавали огромное предложение в сфере интимных услуг. Прежде всего, это – женщины-окопницы, как прибывшие в течение 1914 – начала 1916 г. по нарядам военного и местного начальства, так и беженки, нанятые на окопные работы [48 л. 298]. Следующей категорией были беженки, оставшиеся без мужчин и в большом количестве осевшие в течение 1914–1915 гг. на театре военных действий. Для их психологии была характерна зависимость от солдат, у которых они искали защиту себе и своим детям [49 с. 192–193, 253]. Особую группу представляли беженки-подростки, являвшиеся легкой добычей отставших команд, дезертиров и тому подобного полупреступного армейского контингента [49 с. 25]. Как и во время русско-японской войны, на театре военных действий появилось множество как законных, так и «гражданских» жен офицеров и солдат, порою живших всего в 4–5 км от позиций [50 л. 67; 51 л. 393; 52 л. 354–354 об.]. Совершенно новым, а главное массовым явлением для войн стало предложение сексуальных услуг военным отпускникам или командировочным со стороны множества женщин-непроституток в городах во внутренних районах, ближайших к фронту [53 с. 5]. В целом во время войны отмечен чрезвычайный всплеск сексуальной активности среди солдат и офицеров. Суждения солдат о роли секса на войне были достаточно циничны: «Без бабы и без вина и война не нужна» [54 с. 171; 55 с. 39–40; 56 л. 12 об.]. В соответствии с этой моралью выстраивалось и сексуальное поведение. В ближнем тылу это выражалось в массовом «гулянье с бабами и девками» уже с осени 1914 г. Особенно широко это явление было

развито в отдельных командах: автомобильных, мотоциклетных, артиллерийских, телефонных, среди летчиков, денщиков и т. п. [49 с. 220; 57 л. 446 об.; 58 л. 353; 59 л. 117 об., 136 об., 299 об. – 300; 51 л. 80, 196; 52 л. 371–371 об.; 60 л. 402–402 об.; 56 л. 27]. Практиковалось и прямое насилие по отношению к женщинам. В письмах зимы 1914 г. отмечалось, что в малых городах в Галиции, где стоит русская армия, идет целая «охота на них и не разбираются ни с классом, ни с возрастом» [57 л. 612]. Но и летом 1915 г. имели место насильственные эксцессы по отношению к австрийским женщинам-окопницам [55 с. 41; 52 л. 33; 56 л. 6 об. – 7]. Сексуальная активность в русской армии ярко проявилась в резком возрастании количества венерических болезней у солдат и гражданского населения на театре военных действий. Зимой 1917 г. в сводках цензуры по 7-й армии сообщалось, что «заболевание сифилисом принимает угрожающий характер». Распространение венерических болезней в действующей армии сравнивали с тифом, опасались превращения боевой армии в «армию сифилитиков» [61 л. 185 об., 342]. Рост венерических заболеваний вызывал тревогу у гражданских властей, общественности, Государственной думы [62 с. 61–62; 63 с. 380; 64 с. 477; 65 л. 110, 148]. Причиной считали общение пехотинцев с женщинами-окопницами, принимавшее форму массового разврата. Размах этого явления обнаружился на совещании губернаторов и губернских предводителей дворянства в прифронтовых губерниях в Ставке в мае 1916 г. Все участники совещания указывали на недопустимость привлечения на окопные работы девушек и женщин [66 л. 133, 133 об., 136 об., 171, 198; 61 л. 204 об., 233–233 об.]. В результате совещание, а вместе с ним и военное командование, пришли к решению об отказе использования женщин в окопных работах. Этот отказ повел к серьезным последствиям в деле организации оборонительных работ – попыткам заменить женский контингент в окопах сначала военнопленными славянами, а затем рабочими Средней Азии.

Событийными в данном ряду явлений в отношениях солдат и женщин являлись попытки или урегулировать эти отношения в виде разрешения женитьбы и посещения женами солдат и офицеров, или в полном запрещении появления женщин на передовой с угрозой наказания вплоть до применения розог, даже к женам, нарушившим такие запреты [59 л. 146 об., 287; 52 л. 104 об., 354–354 об.; 67 л. 53]. Но подлинное урегулирование таких отношений виделось солдатам в прекращении войны и возвращении в семью, где они могли бы применить новый опыт, полученный на фронте на почве интимных связей, в пересмотре своего социально-семейного статуса.

Существовал еще один аспект отношений армии и населений, который можно было бы обозначить как общее восприятие этнического населения в его государственно-общественной форме как недружественного государства. Первоначально не было прямо враждебных отношений армии к населению прямых противников. Возможно, русская армия пыталась показать цивилизованное отношение к жителям Восточной Пруссии и тем более Галиции. Эти отношения даже не были испорчены массовым захватом сельскохозяйственного имущества крупных имений в Восточной Пруссии. Однако отношения ухудшились после обстрелов русских отрядов из домов в Тильзите. Это вызвало ответные действия: русские части произвели несколько залпов по городу. А с осени 1914 г. отношения русской армии и населения в Восточной Пруссии и вообще испортились. Появились сообщения, что «царит какая-то ни в чем не разбирающаяся ненависть к немцам. В каждом мирном жителе склонны видеть шпиона. В городах, в усадьбах – богатых и бедных, в деревнях – всюду одна и та же картина: все в развалинах, все разграблено и разрушено...». Авторы писем считали, что все дело в газетной пропаганде, которая очень сильно действовала на психологию рядового, мало рассуждающего военного [68 л. 33, 105; 69 л. 308–309].

И все же общие представления о немцах были в пользу Германии. Еще при первой оккупации Восточной Пруссии стали приходить письма о прямо-таки роскоши и богатстве, в которых живут немцы. Удивляли «в каждом доме электричество, ванная, мягкая мебель, масса роскошных экипажей». Осенью 1916 г. солдаты в письмах писали, сравнивая Германию и Россию в отношении дороговизны на предметы первой необходимости, что «там почти все дешевле, чем у нас; очевидно там порядки другие и обыватели не брошены на съедение хищникам этим двуногим акулам» [20 л. 6, 401; л. 271, 506, 582 об.]. Подобная же ситуация была и в областях, захваченных у Австрии. И здесь большое впечатление на русских солдат производило богатство, в котором живет простое сельское население Австрии: «как помещики». С другой стороны, население отказывалось давать ночлег, продовольствие даже за деньги. Враждебность населения чувствовалась даже по взглядам, которые бросали на солдат местных жители: смотрели «как на зверя; по чертам лица их можно прочесть, что ихняя душа говорит, мол, идут наши враги и убийцы наших братьев, мужей и отцов». В результате в Австрии русские солдаты чувствовали себя особенно отрезанными от родины, «между чужими людьми, словно сирота», резко обострилась ностальгия. «Какую же мы родину защищаем, когда

мы забрались в чужую землю и бьемся за чужие земли?», – спрашивали солдаты [48 л. 66, 330, 305, 378; 70 л. 313; 71 л. 354]. Еще менее доброжелательным было отношение населения стран, куда русская армия вступала как противник. Такими воспринимались венгры («мадяра»): «народ чудной больно, ходит в длинных рубахах словно баба, портки носят белые, волосы на голове длинные как у попа, смотрит чертом и, если ночью встретишь в горах, обязательно убьет» [72 л. 715–715 об.].

На чужой территории солдат русской армии возмущало поведение населения союзных с Россией стран и местностей: Галиции, Молдавии, Румынии. Так, солдаты в 1915 г. неожиданно сделали вывод, что «русское» население в Галиции принимало русские войска хуже, чем нерусские галичане (поляки, евреи). Русские солдаты с удивлением узнали, что те, кого они пришли освобождать, являются народом «малокультурным», «малообщительным», «да и на нас смотрят хуже, чем на врагов». Солдаты никак не могли ожидать такой враждебности. Смешанные чувства русских солдат вызывало знакомство с молдавским населением, широко представленным на Румынском, а также Юго-Западном фронтах. Большинство сообщений указывали на резко неприветливое отношение молдаван к солдатам русской армии: «Хуже нас не было жить, как среди Бессарабских молдаван...» Недоброжелательное отношение проявляли не только простой люд, но и интеллигенция. Молдаване выражали вообще протест против присутствия русской армии, полагая, что они «сами здесь управятся». Возникали конфликты на почве квартирования, продовольствования и т. п., в чем молдаване отказывали русским войскам. В ответ отряды казаков совершали нападения на молдаван. Производили впечатление «непатриотизм» молдаван, их «лень», нежелание выполнять окопные работы даже за деньги. Но сравнения шли дальше: с населением в самой России, где также «не имеют понятия о патриотизме». Даже украинское население враждебно относилось к русской армии. Крестьяне «обдирали» солдат при продаже им продуктов питания. Солдаты считали даже поляков более дружественными, чем украинцы, которые порою проявляли прямую ненависть, «только и говоря, чтобы вас холера забрала, да чтоб германская пуля убила. Вот какие они...» – жаловались солдаты в письмах [73 л. 466; 74 л. 33 об.–34, 529 об.; 70 л. 318, 361, 407 об.; 75 л. 474 об., 514–514 об.; 60 л. 284 об.].

Самое негативное впечатление вынесли русские солдаты от населения и армии Румынии, которых первоначально рассматривали как ближайших союзников и на которых возлагали большие надежды, бывшие особенно радужными после тяжелых летних

боев 1916 г. [76]. В русской армии считали необходимым помочь румынскому населению, полагая получить у него благодарность за освобождение его территории от противника. Румынский эпизод войны, кажется, давал русской армии то ощущение полезности, нужности, необходимости воевать за «други своя», за союзника, наконец, за православный народ, что недостаточно ощущалось в течение почти всей войны. Тем больше было разочарований от общения с румынским населением. Солдаты сообщали в письмах, что «Румыния – подлая страна», «народ плохой, скупой и невинственный», «население русских не любит», относятся к русским войскам недоброжелательно, косо посматривают на нашего брата». Иногда русские войска подвергались оскорблению, «потому что мы не умеем говорить на французском языке, так как там он очень распространен». Солдаты жаловались, «что румыны обирают их немилосердно при расчете румынскими деньгами, наживая на курсе огромные деньги, в халупы к себе русских не пускают и румынские власти этому покровительствуют, поэтому приходится жить или в палатках или землянках; вообще встречают русские войска не гостеприимно, боятся их, запираются по хатам». Иногда споры с румынскими жителями принимали принципиальный характер. На слова, что румыны «трусы», жители возражали, что «русские привыкли воевать и мира не хотят» [77 л. 256; 78 л. 335; 48 л. 635; 70 л. 107 об., 227–227 об., 313, 317, 385 об.; 71 л. 2 об., 8, 133]. Русские военные ожидали постоянных нападений от румын, в результате чего на стоянках в румынских селениях приходилось ходить с револьвером. Солдаты полагали, что «даже у Австрии люди гораздо лучше, хотя они наши неприятели, а румыны наши союзники, хуже, чем неприятель, как звери». Сообщали, что раненные и больные массаами бегут из румынских лазаретов, где за ними нет никакого ухода, и разным способом пробирались в Австрию, где являлись в лазареты. Солдаты делали вывод, что среди румын больше германофилов, по сравнению с Галицией, где «с народом было лучше, несмотря на то, что там все русины или униаты или поляки, но они к нам относились хорошо и сочувственно, здесь же одной веры с нами, но по духу германофилы. Духовенство их также враждебно, как и народ...». «Румыны... все плуты и жулики невероятные, это не государство, а одно недоразумение», – делали вывод солдаты: «жаль, что приходим сюда не врагами» [70 л. 318, 361–362; 71 л. 9, 56, 62, 257].

Враждебное отношение к русской армии усугублялось и многочисленными случаями бытового неустройства в Румынии. Солдаты чувствовали себя совершенно оторванными, отрезанными от

остального мира, не получали ни писем, ни газет, жаловались на нехватку продовольствия, что в Румынии ничего нет, «кроме соломы и кукурузы». По сообщениям солдат, не было даже чистой воды, пили с луж, в результате чего «развелась холера». Голод, жажда были обострены также огромными переходами в стране, где не были развиты железные дороги. К декабрю 1916 г. ситуация на Румынском фронте повторила худшие моменты Юго-Западного фронта: холод, голод, отсутствие хлеба, стойкий противник (болгары), отсутствие укреплений, нехватка дров, во всем недостаток, при этом сильные бои и враждебность населения [70 л. 239, 283, 326; 71 л. 2 об.–3, 9, 10, 55, 56, 62, 135].

Время нахождения русской армии в Румынии, Галиции, Западной Украине имело особое значение в целом в военном опыте на Русском фронте. Если горы Карпат, пропасти являлись пространственным, ландшафтным ощущением отрезанности комбатанта от остального мира, то дальность западных окраин являлась географическим ощущением оторванности от родины. Это ставило остро вопросы смысла военных действий на чужой территории. Именно отсюда расходились представления по всей армии, что «надоело шляться по чужой земле», находиться «под неволей». Ставился вопрос о смысле войны за территорию, неорганизованную и враждебную солдату. И здесь было недалеко до распространения таких же понятий: смысла борьбы за собственно Россию, столь же неорганизованную и столь же враждебную русскому солдату. Как и в России, в Румынии нечего было купить, «страшно обижают один другого, а слагают все на правительство», процветала спекуляция: «Который раньше имел халупку, то теперь построит палац» [70 л. 318, 389; 71 л. 19, 62, 293]. При этом солдаты, армия не в состоянии были избавиться от негативных аспектов такой повседневности общения с населением, поскольку в стране не действовали законы России. Событийность не могла непосредственно сменить тягостную повседневность. Преодоление тягостного существования на чужбине, столь напоминающей своими недостатками родину, мыслилось в перспективе и переносилось на весь уклад государственной и общественной жизни страны-союзницы, а от нее – к подобным проблемам самой России. Тем самым являлась возможность преодоления враждебной, тягостной в целом для солдата фронтовой повседневности, избавления от которой они видели в коренном событии – уходе с войны, начале социально-политических преобразований.

Литература

1. *Сенявская Е.С., Сенявский А.С., Жукова Л.В.* Человек и фронтовая повседневность в войнах России XX века: очерки по военной антропологии. М.: Ин-т российской истории РАН: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 421 с. (Historia Russica)
2. *Кринко Е.Ф.* Оккупанты и население в годы Великой Отечественной войны: проблемы взаимовосприятия // Военно-историческая антропология: Ежегодник, 2003/2004. Новые научные направления. М.: РОССПЭН, 2005. С. 329–44.
3. *Сенявская Е.С.* Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М.: РОССПЭН, 2006. 288 с.
4. *Cowen D., Gilbert E.* The Politics of War, Citizenship, Territory // War, Citizenship, territory / Ed. by D. Cowen, E. Gilbert. New York; London: Routledge; Taylor & Francis Group, 2008. P. 1–32.
5. Западные окраины Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 608 с.
6. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2005. Оп. 1. Д. 28.
7. РГВИА. Ф. 1932. Оп. 15. Д. 97.
8. РГВИА. Ф. 1932. Оп. 2. Д. 279.
9. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 215. Оп. 1. Д. 227.
10. РГВИА. Ф. 2110. Оп. 6. Д. 49.
11. ГАРФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 699.
12. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1869.
13. РГВИА. Ф. 2068. Оп. 1. Д. 350.
14. *Астахов А.Б.* Русская армия и население: реквизиции в 1915 г. и социальные последствия // Первая мировая война: взгляд спустя столетие, 1915 год: доклады и выступления участников V Межд. науч.-практ. конф. М.: Изд-во МНЭПУ, 2016. С. 298–309.
15. *Макшеев Ф.А.* Военное хозяйство: Курс Интендантской академии. Ч. 3: Снабжения в военное время. Пг.: Тип П. Усова, 1915. 592 с.
16. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 2312.
17. РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 34.
18. РГВИА. Ф. 2049. Оп. 1. Д. 588.
19. РГВИА. Ф. 2049. Оп. 1. Д. 402.
20. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 544.
21. РГВИА. Ф. 2068. Оп. 1. Д. 303.
22. РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 31.
23. РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 41.
24. РГВИА. Ф. 2068. Оп. 1. Д. 110.
25. *Ляховъ М.Н.* По Галіціи, три года назад. Казань, 1917. 42 с.
26. РГВИА. Ф. 2068. Оп. 1. Д. 301.

27. РГВИА. Ф. 1932. Оп. 12. Д. 82.
28. РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 32.
29. РГВИА. Ф. 2049. Оп. 1. Л. 402.
30. ГАРФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 263.
31. РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 40.
32. РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 45.
33. РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 13.
34. РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 12.
35. Распределение беженцев по полу, возрасту и национальности // Известия комитета ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны. 1916. № 5. С. 1–12.
36. Помощь детям-беженцам на фронте: Отчет о заседаниях Совещания по вопросам призрения детей в связи с войной // Известия Всероссийского союза городов. 1916. № 29–30. С. 39–53.
37. *Карнаухова А.М.* Из поездки в Буковину и Галицию // Работа по помощи населению, пострадавшему от войны: Сб. 1 / Изд. отдела помощи населению, пострадавшему от войны, Комитета Юго-Западного фронта. Киев: Тип. Первой Киевской артели печатного дела, 1917. С. 56–66.
38. *Фонарева Н.* Эвакуация детей беженцев, потерявших родителей и осиротевших, из гор. Москвы // Известия Всероссийского союза городов. 1916. № 29–30. С. 72–80.
39. *Касаткин И.А.* Работа на Западном фронте передового врачебно-эвакуационного отряда для детей-беженцев // Известия Всероссийского союза городов. 1916. № 38. С. 163–169.
40. *Ярошевская Н.* Молодая поросль // Известия Всероссийского союза городов. 1916. № 27–28. С. 292–300.
41. *Лыс Р.* Очаг для детей в Кременце // Работа по помощи населению, пострадавшему от войны. Сб. 1: Издание отдела помощи населению, пострадавшему от войны. Комитет Юго-Западного фронта. Киев: Тип. Первой Киевской артели Печатного дела, 1917. С. 44–46.
42. *Лившиц С.* О работе в колонии «Детская радость» в с. Пьяне // Работа по помощи населению, пострадавшему от войны. Сборник 1-й. Издание отдела помощи населению, пострадавшему от войны. Комитет Юго-Западного фронта. Киев: Тип. Первой Киевской артели Печатного дела, 1917. С. 42–44.
43. РГВИА. Ф. 13273. Оп. 1. Д. 338.
44. РГВИА. Ф. 13273. Оп. 1. Д. 340.
45. *Пушкин Н.* Помощь детям на фронте. В районе Южной Волины // Работа по помощи населению, пострадавшему от войны. Сборник 1-й. Издание отдела помощи населению, пострадавшему от войны, Комитета Юго-Западного фронта. Киев: Тип. 1-й Киевской артели печатного дела, 1917. С. 17–21.
46. Совещание по вопросу о помощи детям 19–20 октября в Киеве // Работа по помощи населению, пострадавшему от войны. Сборник 1-й. Издание отдела

- помощи населению, пострадавшему от войны, Комитета Юго-Западного фронта. Киев: Тип. 1-й Киевской артели печатного дела, 1917. С. 76–92.
47. *Астахов А.Б.* Дети идут на войну: из истории «детского вопроса» в России в годы Первой мировой войны // Какорея: Из истории детства в России и других странах: Сб. статей и материалов / Сост. Г.В. Макаревич. М.; Тверь: Научная книга, 2008. С. 101–113. (Труды семинара РГГУ «Культура детства: нормы, ценности, практики»; вып. 1.)
 48. РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935.
 49. *Войтоволский Л.* По следам войны: Походные записки. Л.: ГИЗ, 1927. Т. 2. 284 с.
 50. РГВИА. Ф. 2031. Оп. 2. Д. 553.
 51. РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2932.
 52. РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3845.
 53. Борьба с детской проституцией в Петрограде: Доклад Петроградского детского суда. Пг. [Б. и.], 1916. 8 с.
 54. *Войтоволский Л.* По следам войны: Походные записки: В 2 т. М.; Л.: Госиздат, 1928. Т. 1. 344 с.
 55. *Федорченко С.З.* Народ на войне. М.: Советский писатель, 1990. 400 с.
 56. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1611. Оп. 1. Д. 50.
 57. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 505.
 58. РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1181.
 59. РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184.
 60. РГВИА. Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1673.
 61. РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 53.
 62. Труды внеочередного Пироговского съезда по врачебно-санитарным вопросам в связи с условиями настоящего времени (Пг., 14–18 апреля 1916 г). Отд. I–III / Общ-во русских врачей в память Н.И. Пирогова. М.: Типо-литография Рихтер, 1917. [216] с.
 63. Врачебная газета. 1917. № 21.
 64. Врачебная газета. 1917. № 31.
 65. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 1217.
 66. РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 51.
 67. РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1179.
 68. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 561.
 69. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784.
 70. РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937.
 71. РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863.
 72. РГВИА. Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1672.
 73. РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2931.
 74. РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934.
 75. РГВИА. Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1671.

76. Сенявская Е.С. Румыния в мировых войнах XX века // Обозреватель–Observer. 2010. № 2 (241). С. 116–118.
77. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486.
78. РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904.

References

1. Senyavskaya ES., Senyavsky AS., Zhukova LV. Man and front-line everyday life in the wars of Russia of the twentieth century: essays on military anthropology. Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences: Center for Humanitarian Initiatives Publ.; 2017. 421 p. (Historia Russica) (In Russ.)
2. Krinko E. Occupants and population during the Great Patriotic War: problems of mutual perception. V: Senyavskaya ES., ed. *Military-historical anthropology: Yearbook, 2003/2004: New scientific directions*. M.: ROSSPEN Publ.; 2005. p. 329-44. (In Russ.)
3. Senyavskaya ES. Opponents of Russia in the wars of the twentieth century: Evolution of the “enemy image” in the minds of the army and society. Moscow: ROSSPEN Publ.; 2006. 288 p. (In Russ.)
4. Cowen D., Gilbert E. The Politics of War, Citizenship, Territory. V: Cowen D., Gilbert E. *War, Citizenship, territory*. London: Routledge Publ.; Taylor & Francis Group Publ.; 2008. p. 1-32.
5. Western outskirts of the Russian Empire. Moscow: New Literary Odsverer Publ.; 2006. 608 p. (In Russ.)
6. Russian State Military Historical Archive. Fond 2005. Opis' 15. Delo 97. (In Russ.)
7. Russian State Military Historical Archive. Fond 1932. Opis' 1. Delo 28. (In Russ.)
8. Russian State Military Historical Archive. Fond 1932. Opis' 2. Delo 279. (In Russ.)
9. State Archives of the Russian Federation. Fond 215. Opis' 1. Delo 227. (In Russ.)
10. Russian State Military Historical Archive. Fond 2110. Opis' 6. Delo 49. (In Russ.)
11. State Archives of the Russian Federation. Fond 215. Opis' 1. Delo 699. (In Russ.)
12. Russian State Military Historical Archive. Fond 2003. Opis' 1. Delo 1869. (In Russ.)
13. Russian State Military Historical Archive. Fond 2068. Opis' 1. Delo 350. (In Russ.)
14. Astashov AB. Russian army and population: requisition in 1915 and social consequences. V: *The First World War: a century later, in 1915: reports and speeches of participants V Int. scientific-practical. conf.* Moscow: MNEPU Publ.; 2016. p. 298-309. (In Russ.)
15. Maksheev FA. The military economy. Course Intendant Academy. Part 3: Supplies in wartime. Petrograd: Tipografiya P. Usova Publ.; 1915. 592 p. (In Russ.)
16. Russian State Military Historical Archive. Fond 2000. Opis' 1. Delo 2312. (In Russ.)
17. Russian State Military Historical Archive. Fond 2005. Opis' 1. Delo 34. (In Russ.)
18. Russian State Military Historical Archive. Fond 2049. Opis' 1. Delo 588. (In Russ.)
19. Russian State Military Historical Archive. Fond 2049. Opis' 1. Delo 402. (In Russ.)

20. Russian State Military Historical Archive. Fond 2000. Opis' 15. Delo 544. (In Russ.)
21. Russian State Military Historical Archive. Fond 2068. Opis' 1. Delo 303. (In Russ.)
22. Russian State Military Historical Archive. Fond 2005. Opis' 1. Delo 31. (In Russ.)
23. Russian State Military Historical Archive. Fond 2005. Opis' 1. Delo 41. (In Russ.)
24. Russian State Military Historical Archive. Fond 2068. Opis' 1. Delo 110. (In Russ.)
25. Lyakhov MN. By Galicia, three years ago. Kazan', 1917. 42 p. (In Russ.)
26. Russian State Military Historical Archive. Fond 2068. Opis' 1. Delo 301. (In Russ.)
27. Russian State Military Historical Archive. Fond 1932. Opis' 12. Delo 82. (In Russ.)
28. Russian State Military Historical Archive. Fond 2005. Opis' 1. Delo 32. (In Russ.)
29. Russian State Military Historical Archive. Fond 2049. Opis' 1. Delo 402. (In Russ.)
30. State Archives of the Russian Federation. Fond 215. Opis' 1. Delo 263. (In Russ.)
31. Russian State Military Historical Archive. Fond 2005. Opis' 1. Delo 40. (In Russ.)
32. Russian State Military Historical Archive. Fond 2005. Opis' 1. Delo 45. (In Russ.)
33. Russian State Military Historical Archive. Fond 2005. Opis' 1. Delo 13. (In Russ.)
34. Russian State Military Historical Archive. Fond 2005. Opis' 1. Delo 12. (In Russ.)
35. Distribution of refugees by sex, age and nationality. V: *News of the Committee of Her Imperial Highness Grand Duchess Tatiana Nikolaevna*. 1916;5:1-12. (In Russ.)
36. Assistance to refugee children at the front. Report on the meetings of the Meeting on the issues of children's charity in connection with the war. V: *News of the All-Russia Union of Cities*. 1916;29-30:39-53. (In Russ.)
37. Karnaukhova AM. From a trip to Bukovina and Galicia. V: *Work to help the population affected by the war*: Col. 1. Kiev: Tipografiya Pervoi Kievskoi arteli pechatnogo dela Publ.; 1917. p. 56-66. (In Russ.)
38. Fonareva N. Evacuation of children of refugees who lost parents and orphaned, from the mountains. V: *News of the All-Russia Union of Cities*. 1916;29-30:72-80. (In Russ.)
39. Kasatkin IA. Work on the Western Front of the advanced medical evacuation detachment for refugee children. V: *News of the All-Russia Union of Cities*. 1916;38: 163-69. (In Russ.)
40. Yaroshevskaya N. Young growth. V: *News of the All-Russia Union of Cities*. 1916; 27-28:292-300. (In Russ.)
41. Lys R. Ochag for children in Kremenets. V: *Work to help the people affected by the war*. Col. 1: Publication of the Department of Assistance to the population affected by the war. Committee of the South-Western Front. Kiev: Tipografiya Pervoi Kievskoi arteli Pechatnogo dela Publ.; 1917. p. 44-6. (In Russ.)
42. Livshits S. About work in the colony "Children's Joy" in the village P'yana. V: *Work to help the people affected by the war*. Col. 1: Publication of the Department of Assistance to the population affected by the war. Committee of the South-Western Front. Kiev: Tipografiya Pervoi Kievskoi arteli Pechatnogo dela Publ.; 1917. p. 42-4. (In Russ.)
43. Russian State Military Historical Archive. Fond 13273. Opis' 1. Delo 338. (In Russ.)
44. Russian State Military Historical Archive. Fond 13273. Opis' 1. Delo 340. (In Russ.)

45. Pushkin N. Helping children at the front. In the region of South Volhynia. V: *Work to help the people affected by the war*. Col. 1: Publication of the Department of Assistance to the population affected by the war. Committee of the South-Western Front. Kiev: Tipografiya Pervoi Kievskoi arteli Pechatnogo dela Publ.; 1917. p. 17-21. (In Russ.)
46. Meeting on the issue of assistance to children October 19–20 in Kiev. V: *Work to help the people affected by the war*. Col. 1: Publication of the Department of Assistance to the population affected by the war. Committee of the South-Western Front. Kiev: Tipografiya Pervoi Kievskoi arteli Pechatnogo dela Publ.; 1917. p. 76-92. (In Russ.)
47. Astashov AB. Children go to war: from the history of the “child issue” in Russia during the First World War. V: Makarevich G.V., comp. *Kakoreia: From the history of childhood in Russia and other countries: Collection of articles and materials*. Moscow; Tver’: Nauchnaya kniga Publ.; 2008. p. 101-13. (Proceedings of the seminar of the RSUH “Culture of childhood: norms, values, practices”; no. 1) (In Russ.)
48. Russian State Military Historical Archive. Fond 2067. Opis’ 1. Delo 2935. (In Russ.)
49. Voitlovsky L. In the wake of the war. Marriage notes. Leningrad: GIZ Publ.; 1927. Vol. 2. 284 p. (In Russ.)
50. Russian State Military Historical Archive. Fond 2031. Opis’ 2. Delo 553. (In Russ.)
51. Russian State Military Historical Archive. Fond 2067. Opis’ 1. Delo 2932. (In Russ.)
52. Russian State Military Historical Archive. Fond 2067. Opis’ 1. Delo 3845. (In Russ.)
53. The fight against child prostitution in Petrograd: Report of the Petrograd Children’s Court. Petrograd: 1916. 8 p. (In Russ.)
54. Voitlovsky L. In the wake of the war. Marriage notes. 2 vols. Moscow: Leningrad: Gosizdat Publ.; 1928. Vol. 1. 344 p. (In Russ.)
55. Fedorchenko SZ. The people are at war. Moscow: Sovetskii pisatel’ Publ.; 1990. 400 p. (In Russ.)
56. The Russian State Archive of Literature and Arts. Fond 1611. Opis’ 1. Delo 50. (In Russ.)
57. Russian State Military Historical Archive. Fond 2000. Opis’ 15. Delo 505. (In Russ.)
58. Russian State Military Historical Archive. Fond 2031. Opis’ 1. Delo 1181. (In Russ.)
59. Russian State Military Historical Archive. Fond 2031. Opis’ 1. Delo 1184. (In Russ.)
60. Russian State Military Historical Archive. Fond 2139. Opis’ 1. Delo 1673. (In Russ.)
61. Russian State Military Historical Archive. Fond 2005. Opis’ 1. Delo 53. (In Russ.)
62. Proceedings of the extraordinary Pirogov congress on medical and sanitary issues in connection with the present-day conditions (Petrograd, Apr. 14–18, 1916). Otdel 1–3. Publication of the Society of Russian Doctors in memory of N.I. Pirogov. Moscow: Tipo-litografiya Rikhter Publ.; 1917. [216] p. (In Russ.)
63. The medical newspaper. 1917. № 21. (In Russ.)
64. The medical newspaper. 1917. № 31. (In Russ.)
65. Russian State Military Historical Archive. Fond 2000. Opis’ 3. Delo 1217. (In Russ.)
66. Russian State Military Historical Archive. Fond 2005. Opis’ 1. Delo 51. (In Russ.)
67. Russian State Military Historical Archive. Fond 2031. Opis’ 1. Delo 1179. (In Russ.)

68. Russian State Military Historical Archive. Fond 2000. Opis' 15. Delo 561. (In Russ.)
69. Russian State Military Historical Archive. Fond 2003. Opis' 2. Delo 784. (In Russ.)
70. Russian State Military Historical Archive. Fond 2067. Opis' 1. Delo 2937. (In Russ.)
71. Russian State Military Historical Archive. Fond 2067. Opis' 1. Delo 3863. (In Russ.)
72. Russian State Military Historical Archive. Fond 2139. Opis' 1. Delo 1672. (In Russ.)
73. Russian State Military Historical Archive. Fond 2067. Opis' 1. Delo 2931. (In Russ.)
74. Russian State Military Historical Archive. Fond 2067. Opis' 1. Delo 2934. (In Russ.)
75. Russian State Military Historical Archive. Fond 2139. Opis' 1. Delo 1671. (In Russ.)
76. Senyavskaya ES. Romania in the world wars of the 20th century. *Обозреватель–Observer*. 2010;2(241):116-18. (In Russ.)
77. Russian State Military Historical Archive. Fond 2003. Opis' 1. Delo 1486. (In Russ.)
78. Russian State Military Historical Archive. Fond 2048. Opis' 1. Delo 904. (In Russ.)

Информация об авторе

Александр Б. Асташов, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, Москва, 125993, Миусская пл., д. 6; astashsh@yandex.ru

Information about the author

Aleksander B. Astashov, PhD in History, associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russia; astashsh@yandex.ru